

Ю. К. Волков²

ДИСПОЗИЦИЯ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ФОРМАХ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Понимание культуры как системы надбиологических программ³ или способа жизнедеятельности, проявляющегося в общественных достижениях⁴, в условиях предметной идентификации культурологического знания⁵ актуализировало трудности, связанные с попытками разграничения понятий «общество» и «культура»⁶. В то же время приобретенный опыт разведения двух универсальных форм человеческой активности позволил яснее определить онтологическую специфику граней бытия⁷, способных выступать ценностными основаниями рационально или иррационально опосредованной мотивации социальных действий⁸. Другим обстоятельством, сужающим предметную область выделения культурных артефактов, стал повышенный интерес к языковым и неязыковым особенностям знаковой функции культуры.

Содержательно-смысловым выражением глубинных пластов семиотики ценностного сознания могут стать устойчиво воспроизводимые в разных культурах архаические бинарности⁹. Одной из таких бинарных конкретизаций фундаментальных противоречий бытия

является диспозиция «свой–чужой», которая в разных смысловых вариантах («внутреннее», «наше», «внешнее», «другое», «иное», «их» и т. д.) способна выступать главным способом культурного моделирования мира¹⁰. Именно в рамках указанного сопоставления результаты и способы форм социальной активности приобретают функциональную способность дифференцироваться и оцениваться как культурные, некультурные и антикультурные идентичности. С этой точки зрения инвариантность диспозиции «свой–чужой» может служить содержательным маркером для определения видовой специфики различных циклов, стадий и форм культурной динамики, включая такую интересующую нас форму, как культурное взаимодействие.

Культурное взаимодействие, которое чаще всего определяется как особый вид отношений и взаимных влияний, возникающих по меньшей мере между двумя культурами¹¹, может принимать разнообразные формы, меняющиеся в зависимости от выбранного формобразующего критерия. Таким основанием могут быть соотношение общего и особенного¹², религиозная специфика картины мира¹³, непосредственный или опосредованный характер взаимодействия¹⁴ и другие характеристики культур. Однако чаще всего в теории культуры учитываются показатели направленности процессов и результатов культурного взаимодействия (синтез, симбиоз, ассимиляция, интеграция, аккультурация и т. д.), типичность и повторяемость которых зависят от генетической устойчивости институциональных связей.

Исходя из архетипической природы диспозиции «свой–чужой», в качестве интеграционных форм культурного взаимодействия могут быть предложены сложившиеся в рамках традиционного общества формы знаково-предметной интеграции: реципрокный обмен, редистрибутивные отношения и товарный обмен¹⁵. Все три указанные формы обладают способностью обеспечивать интегративную функцию благодаря наличию

² Профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 120 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Природа социального зла: историко-типологический уровень социально-философского исследования», «Научные исследования: информация, анализ, прогноз» (в соавт.) и др.; статей: «Концепция зон обмена как новая разновидность умеренного экстернализма», «О философских революциях, их идеологических последствиях и статусе философского знания (размышления над книгой В. А. Кутырева "Последнее целование. Человек как традиция"»)», «Эпистемологический статус современного общественно-научного познания: от идеала научной объективности к самореференциям культуры» (в соавт.), «Идея В. С. Соловьева об автономности нравственной жизни человека и проблема естественных оснований этики добра» и др. Член Российского философского общества, Нижегородского религиозно-философского общества.

³ Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 2. С. 341.

⁴ Философская энциклопедия : в 5 т. М. : Сов. энциклопедия, 1964. Т. 3. С. 118 ; Философский энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1983. С. 292.

⁵ Культурология как наука: за и против (материалы обсуждения) // Вопросы философии. 2008. № 11. С. 3–31 ; Режабек Е. Я. Додисциплинарное культурологическое знание — одна из предпосылок становления философии // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 101–110.

⁶ Витань И. Общество, культура, социология. М. : Прогресс, 1984. С. 94–99.

⁷ Запесоцкий А. С. Философия и социология культуры : избр. науч. тр. СПб. : СПбГУП : Наука, 2011. С. 19.

⁸ Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 628.

⁹ Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. М. : Большая российская энциклопедия, 2000. Т. 1. С. 19.

¹⁰ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера–история. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 175–178.

¹¹ Культурология. XX век : энцикл. : в 2 т. СПб. : Университетская книга, 1998. Т. 1. С. 120.

¹² Библиер В. С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М. : Политиздат, 1990. С. 350–351.

¹³ Померанц Г. С. Диалог культурных миров // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 170–174.

¹⁴ Ларченко С. Г. Социальные детерминации этнокультурного развития. Новосибирск : Ин-т философии и права СО РАН, 1999. С. 164.

¹⁵ Полань К. Избранные работы. М. : Территория будущего, 2010. С. 43.

в обществе симметричных статусов. Культурная интеграция как состояние внутренней целостности культуры и процесс взаимосогласования между ее различными элементами¹, оцениваемая с позиции дихотомии «свой–чужой», в трех традиционных формах интеграции будет выглядеть следующим образом.

В реципрокных формах обмен подчиняется правилу эквивалентности дарения, необходимым условием которого является наличие симметрии между прочными объединениями «своих» и «чужих». При этом носители «чужих» культур в процессе их интеграции могут превращаться в «своих», сохраняя прежний генетический статус. Отношения редистрибуции применительно к процессу культурной интеграции складываются там, где возникает некоторый центр перераспределения культурных ценностей. При таком понимании редистрибутивных отношений их интеграционный потенциал будет заключаться в культурном разнообразии и сплоченности групп «своих», позволяющих им успешно существовать в масштабе «чужого» культурного центра. Наконец, обмен, для реализации которого необходима такая экономическая форма, как рынок, чтобы стать условием интеграции, должен исключить объективно существующие предпосылки для враждебности, возникающей при колебании цены на культурные артефакты.

Вместе с тем последовательно перечисленные особенности форм культурной интеграции не означают временной последовательности их действительного существования. Все три формы могут существовать одновременно на разных стадиях социальной динамики, а потому успешно используются для изучения интеграционных процессов, протекающих в неэкономической сфере жизни современного социума². Другое дело, что в обществах разного исторического типа изменяется смысловое содержание диспозиции «свой–чужой».

В отличие от типичной для традиционного социума оппозиционности сравнений «своего» и «чужого», в современном сложно дифференцированном и открытом обществе формируется индифферентный тип отношений к достижениям разных культур. Особенно быстро меняется опыт общения с представителями других культур в условиях глобальной урбанистической цивилизации, где «чужие» становятся все менее заметными³. С другой стороны, присущая наступающей постсовременности тенденция к имплозии⁴ и симуляции социальных смыслов⁵ приводит к тому, что диспозиция «свой–чужой» утрачивает симметрично групповой статус и постепенно замещается индивидуализированными отношениями симпатии и антипатии⁶.

¹ Культурология. XX век. Т. 1. С. 252; Кравченко А. И. Культурология: слов. М.: Академ. проект, 2000. С. 274.

² Например, в эпистемологии активно обсуждается галисоновская концепция зоны обмена, в которой использованы идеи культурного многообразия науки, а также заимствованная из экономической антропологии аналогия неэкономических форм культурного обмена (Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91).

³ Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 1. С. 48.

⁴ Имплозия (*фр.* implosion) — термин неклассической философии, обозначающий феномен разрушения классических стереотипов восприятия, превращающий реальный мир в виртуальный симулякр.

⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Тула: Тульский полиграфист, 2013. С. 115–116.

⁶ Штихве Р. Указ. соч. С. 50.